

This is a repository copy of *Rossiiskaya i sovetskaya ekologicheskaya istoriya v sovremennoi zapadnoi nauke*'.

White Rose Research Online URL for this paper:

<https://eprints.whiterose.ac.uk/id/eprint/132970/>

Proceedings Paper:

Moon, David Gerard orcid.org/0000-0001-8079-838X (2017) *Rossiiskaya i sovetskaya ekologicheskaya istoriya v sovremennoi zapadnoi nauke*'. In: *Rossiiskaya provintsiya kak sotsiokul'turnoe pole formirovaniya grazhdanskoi i natsional'noi identichnosti: sbornik nauchnykh statei::Materialy VIII Mezhdunarodnykh Stakheevskikh chtenii*. Izdatel'svo Elabuzhskogo instituta KFU, Elabuga, pp. 14-21.

Reuse

Other licence.

Takedown

If you consider content in White Rose Research Online to be in breach of UK law, please notify us by emailing eprints@whiterose.ac.uk including the URL of the record and the reason for the withdrawal request.

Решение правительства России опираться на полугражданские, полугосударственные агентства с первоочередными обязанностями, дающими от природоохранной деятельности, для осуществления агрономических улучшений, оказало как благоприятное краткосрочное воздействие на проведение природоохранной работы в царской России, так и неоднозначные долгосрочные последствия. С одной стороны, российский выбор работать по охране природы косвенно придавал усилиям незначительный престиж и стабильность, поскольку они достигли рядового гражданина через призму признанного и хорошо зарекомендовавшего себя внешнего учреждения. Передача ответственности учреждениям с установившимся целями руководства извлекла от необходимости формирования отношения субъектов или полагаться на их действия. Выбранные учреждения смогли достичь умеренных успехов, задолго до того, как большинство других стран разрабатывали что-либо сопоставимое. Это особенно примечательно, при сопоставлении с несколькими традиционными взглядами, выраженными Лазарем Волиным, что царское правительство мало интересовалось совершенствованием агрономической практики в сельской местности; на самом деле царское правительство проявляло живой интерес к проблемам эрозии и действовало в соответствии с ним.⁶⁷

С другой стороны, природоохранная работа с самого начала была концептуализирована и реализована с присущей имперской логикой через уже существовавшую иерархию. Примечательно, что и железная дорога, и армия разделяют связь с «высоко современным проектом» прямых линий, графиков и регулярности, которые, по крайней мере, в случае облесения, привели к негибкости методов. Ряд историков-экологов, а также политолог Джеймс С. Скотт осудили экологические инициативы, которые подвергают жестокому воздействию местные условия в попытке добиться идеализированного и модернизированного ландшафта.⁶⁸ Лесничество часто жаловались на непереносимость указаний к местным условиям, но в милитаризованных структурах нарушение приказов считалось формой неповиновения. Помимо проблем, связанных с негибкостью, централизованным принятием решений и упрощением, решение о передаче природоохранной деятельности учреждениям с уже существовавшими приоритетами означало, что ранее существовавшие приоритеты влияли на новые вспомогательные усилия. Как в случае армии, так и с железной дорогой, охрана почв была связана с воинским долгом или прибылью, а не с общим или общественным благом. Мотивация на прибыль формировала содержание экспонатив агропоезда, которые были ориентированы, прежде всего, на увеличение сельскохозяйственной продукции и на экологическую устойчивость только риторически. Такие действия отражали тенденцию «путаться» и не находить исчерпывающие решения в общественной сфере, что отражается в факте, отмеченном Екатериной Бутуховой, что даже «перевозному централизованному российскому государству... к концу девятнадцатого века не удалось выпонить единое и централизованное исследование своих территорий».⁶⁹ Российский «аграрный вопрос» ускользнул от простого решения, поскольку, как и в случае с программой сохранения почв, проблемы требовали пересмотра отношений между государством и обществом, что режим просто не склонен был делать. Как экологическая деятельность, так и сельский традиционализм, как признали в то время эксперты, имели глубокие причины, связанные с экономической и историей. Только всеобъемлющие реформы могли бы дать надежду восполнить ущерб, но царское правительство не было готово к осуществлению изменений, которые затронули бы существующие структуры власти.

РОССИЙСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ НАУКЕ

Мун Дэвид

профессор, Университет Флорда, Великобритания

Аннотация. Предметом этого эссе является распутии массовое исследование в области российской и советской экологической истории, созданных в последние десятилетия западными экологическими историками.

67

Волин, 66.

68

См. Джеймс С. Скотт «Смотреть как государство: как определяемые схемы изучения состояния человека потребили

69

неулачу (Нью Хейвен: Йельский университет, 1999). Фернандо Коронил, утверждая, что рамки Скотта были

слишком простыми и утверждал, что «государства воплощают и абстрактную логику, которую Скотт связывает с высоким

модернизмом, а также практические знания, которые он идентифицирует с помощью мейс [практическое знание]». См.

Фернандо Коронил, «Запах как рынок», «Американист Хисторикал Ревью, 106, 1 (февраль 2001): 127.

Екатерина Бутухова «Копии», 131.

14

Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности

Эти ученые используют преимущественно крайние изобильного материала для исследования, представляемых взаимоотношением между человеческими обществами и природным миром, частью которого они являются. Все западные экологические историки России и Советского Союза в значительной степени вынуждены от взаимодействия с российскими коллегами.

Ключевые слова: Россия, Советский Союз, экологическая история, западная наука.

RUSSIAN AND SOVIET ENVIRONMENTAL HISTORY IN RECENT WESTERN SCHOLARSHIP

Moon David

Abstract. The subject of this essay is the growing body of historical scholarship on Russian and Soviet environmental history produced in recent decades by environmental historians in the west. These scholars are taking advantage of the extraordinarily rich material for research offered by the interaction over time between human societies and the natural world of which they are a part in this section of the globe. Of especial interest is the work of a younger generation of western scholars. All western environmental historians of Russia and the Soviet Union have benefited greatly from their interaction with Russian scholars.

Keywords: Russia, Soviet Union, Environmental History, Western scholarship

В данной статье анализируются исследования западных ученых в области российской и советской экологической истории за последние десятилетия. Экологическая история как наука интенсивно развивалась на западе с 1970-х годов, но исследование России западными экологическими историками проходило медленнее. Только в 2010 году ведущий американский историк-эколог Джон Макнейл заявил, что «Россия» является одной из «географических областей, которые в настоящее время менее всего представлены в литературе по истории окружающей среды». Он также отметил, что это включает в себя «исключительно возможные возможности» для ученых[1]. Тем не менее, западные исследователи уделяли все большее внимание экологической истории терпитель царского, советского и постсоветского государств[2]. Примечательно, что молодое поколение западных ученых, в частности американских и европейских, охватывает интересную и важную работу в данном направлении. В последние годы также наблюдается рост важных исследований по российской экологической истории, проводимых российскими учеными[3].

Результаты данного исследования представляются в четырех разделах: Дегерация окружающей среды; Проблемы охраны природы в России; Взаимодействие между человеком и природой и культурные подходы к экологической истории. В статье доказывается, что западная наука перешла от изучения, главным образом, ущерба, нанесенного окружающей среде советской экономической политикой, что было характерно для ранних работ, на более детальное изучение проблем[4].

1. Дегерация окружающей среды

Важнейшей вехой в западных учениях по экологическим проблемам России была книга американских специалистов Мерри Фешбаха и Альфреда Фрэндли «Экологическая история в СССР: здоровье и природа на осадном положении», опубликованная в 1992 году[5]. Книга, основанная на исследованиях и интервью, проведенных в период гласности, обвиняла Советский Союз в безхозяйственности и несправедливом обращении с окружающей средой, что привело к экологической катастрофе – экоциду – с серьезными негативными последствиями для здоровья советского населения. В книге представлялись картины катастрофического воздействия расточительства и загрязнения на окружающую среду и здоровье человека. Авторы видят происхождение проблемы в Сталинских пятилетних планах и массовых инженерных проектах, которые определяли приоритеты производственных целей по отношению к состоянию окружающей среды и здоровью населения. Авторы заключили, что Советский Союз испытал «экоцид сознательный» (с. 75). Они также утверждали, что экоцид был одним из факторов кончины Советского Союза. Фешбаха и Фрэндли провели сравнительный анализ: они указали, что контроль над загрязнением в США был намного более эффективным, чем в СССР, но признали, что США имели серьезные загрязнения в некоторых районах, в некоторых случаях превосходящие СССР.

Экологическая история Советского Союза сводилась к описанию разрушения природы в руках государства, которое безжалостно стремилось использовать человеческие и природные ресурсы своей страны для строительства коммунизма. Дуглас Вайнер, один из первых американских специалистов в области российской экологической истории, обосновывал необходимость русского/советского партикуляризма в течение длительного времени. Что касается экологических катастроф

в Черномыле, Аральском море. Челябинске и других областях, он утверждал, что российская советская экологическая политика была основана на традиции приема дани, которая сделала землю «предагельским лоскутным одеялом из отравленных земель, воздуха и воды». Вайнер не проводил детального сравнения с деградацией окружающей среды на Западе[6].

Под Джозефсон предложили подробный сравнительный взгляд на советский экологический опыт в работе «Индустриальная природа». Он рассмотрел экологические последствия для государства, реализующих политических директив, подерживаемые финансовым потенциалом и научно основанные, для абсолютного подчинения природного мира. Он проанализировал случаи строительства дамб на крупных реках, огромных гидростанций и металлургических заводов, очистку обширных площадей леса для лесозаготовки, прокладывания дорог и промышленных предприятий обильных хозяйств, имевших место в XX веке в государствах с различными политическими системами, в том числе Бразилии в период военной диктатуры, демократических Соединенных Штатах и Норвегии, а также коммунистическом Китае и Советском Союзе. Он пришел к выводу о том, что во всех этих политических системах последствия применения «насилственных технологий» были одинаковыми: потеря ресурсов и деградация окружающей среды[7]. Таким образом, строительство дамб на реке Колумбия в Соединенных Штатах имело схожие экологические последствия как и строительство дамб на Волге в Советском Союзе. Ряд ученых, однако, оспаривали вывод Джозефсона о нейтральности политических систем[8]. И сам Джозефсон, казалось, пересмотрел свои взгляды в статье, опубликованной в 2007 году о промышленном загрязнении в Уральском регионе[9].

В 2013 году группа специалистов с Запада и бывшего Советского Союза во главе с Джозефсоном опубликовала книгу об экологической истории России в XX веке[10]. Книга рассматривает целый ряд вопросов, но как и многие исследования она выполнена в описательном ключе, и показывает, что советский опыт был хуже, чем в других частях мира. Авторы пришли к выводу, что «этот сенсационный перечень экологических катастроф может убедить некоторых читателей в расточительном использовании природных ресурсов, которую пропагандируют государственные чиновники во имя неэффективной советской практики» (с. 236). Действительно ли положение дел в Советском Союзе было намного хуже, чем на Западе? У Запады также были массивные дамбы и гигантские технологические проекты и промышленные районы, которые пострадали от высокого уровня загрязнения и деградации. Джозефсон и его коллеги проводили регулярные сравнения. Например, советские города в большей степени зависели от общественного транспорта, менее загрязняющей среды, чем частные автомобили, которые стали доминировать в западных городах. Советские схемы централизованного теплоснабжения наносили меньший вред природе, чем отдельные системы отопления на Западе, но они были очень неэффективными. Запад разработал и внедрил природоохранное законодательство гораздо раньше, чем Советский Союз. Однако весьма заметным в книге является отрывок катастрофы на Чернобыльской АЭС, которая в значительной мере олицетворяла ошибки советской системы и которую авторы считают «одним из решающих факторов» в ее крахе (с. 258).

Серьезность чернобыльской катастрофы нельзя переоценить, но в других странах произошли крупные ядерные катастрофы мирного времени, например, в Фукусиме в Японии в 2011 году и в Уиндскейле на северо-западе Англии в 1957 году. Подобности этой катастрофы были засекречены британскими властями, и до сих пор подробности известны только узкому кругу специалистов. Таким образом, при том, что ухудшение состояния окружающей среды при советской власти и исследование того, насколько советский опыт этого был хуже, чем в других частях мира, являются важными темами для историков окружающей среды, но они являются лишь одной из сторон истории российской и советской экологической истории.

2. Проблема охраны природы в России

Вайнер стал известен как экологический историк охраны природы в России и в Советском Союзе[11]. Он написал две книги на эту тему, исследуя вопрос охраны окружающей среды, начиная с царской России позднего периода до распада Советского Союза. Результатом этой потрясающей работы являются подробные, исчерпывающие исследования развития природоохранной идеи среди российских ученых и решительные аргументы действия, направленные на то, чтобы защитить природу и их научную культуру от пагубных действий советской власти по преобразованию природной среды и человека, включая научную культуру. Вайнер уделит особое внимание деятельности Всероссийского общества охраны природы (ВООП), Московского общества натуралистов (МОН) и Московского отделения Географического общества (МГО).

Вайнер не изображает это как борьбу черного и белого, но приводит детальные аргументы. Сторонники защиты окружающей среды пытались представить свое дело с точки зрения политических

Борьба между эксплуатацией и сохранением Российских лесов проходила красной нитью через также к людям, которые хотели их разрабатывать (с. 34).

более широкой среды, частью которой они были, и серьезно относились к потребностям лесов, а признали различия между русскими и немецкими лесами, относились к лесам как к составляющей долгие времена господствовали в России, и разрабатывали концепцию «типов лесных насаждений». Они он отверг абстрактно-математические немецкие принципы управления лесным хозяйством, которые преобразовывали природу 1948 года. Героем книги является Л. Пригожин Морозов. Наряду с XX столетия представляется собой аллюзию на ораторию Шостаковича, написанную в честь Сталинского плана действительности и отношение диктатур к вопросам сохранения природы. Само название книги и ставит под сомнение актуальность иностранных, в частности немецких, идей для российской середины XX века [15]. В ней автор также освещает роль лесов в культуре самобытности России хозяйства и охраны окружающей среды в России и Советском Союзе, начиная с конца XIX и до Стивен Брейн является автором книги *«Лесная о лесе»* — об эволюции теории и практики лесного северную часть Тихого океана и Среднюю Азию.

территории бывшей Российской империи и Советского Союза, включая лес, степь, вечную мерзлоту, истории рассматривали состояние этого вопроса в разных экологических регионах по всей человеческим и нечеловеческим мирами и то, как люди изучали эти отношения [14]. Экологические появились на природный мир или пытались защитить его, но и процесс взаимодействия между В западной науке проводится все больше исследований не только того, как люди негативно

3. Взаимодействие между человеком и природой

обратили пристальное внимание на Западе [13]. сохранения окружающей среды наряду с ухудшением экологической обстановки, на которую в своих обширных исследованиях они подчеркивают, что у России есть сильная научная традиция века. Они отметили, что такие «целостные подходы к природному миру не свойственны России», работ В.В. Докучаева и В.И. Вернадского конце XIX века и анализируют развитие концепций в XX развития. Они прослеживают интеллектуальное происхождение концепции в России, начиная от показателя в пользу давней российской традиции продвижения концепций устойчивого Два британских географа, Джонатан Олфилд и Денис Шлоу, представили серьезные ресурсов [12].

когда сталинская индустриализация сделала упор на эксплуатацию, а не на сохранение природных между центральными и местными интересами. Бонном исследовал ситуацию до 1929 года — года, путем поиска баланса между эксплуатацией и сохранением. Эти два закона отменялись балансом бумаге, но не на практике, законы 1918 и 1923 годов предусматривали долгосрочную устойчивость между государственным и местными интересами и ценностью научного лесного хозяйства. На советской власти заключалась в разрешении конфликтов между эксплуатацией и сохранением лесов, массовой вырубке деревьев, продолжавшейся в 1920-х годах. Проблема как для царской, так и для уничтожение огромных лесов России за этот период. Более того, крах власти в 1917 году привел к закона 1888 года до ранних советских лесных законов 1918 и 1923 годов. Он отметил устойчивое советского лесного хозяйства. Он представил анализ лесного законодательства, начиная от царского царской и ранней советской России и в целом дал отрицательную оценку первым двенадцати лет и охрану окружающей среды в своей книге о политике в области лесного хозяйства в поздней Как и Вайнер, Брайан Бонном исследовал воздействие человека на окружающую среду периода и его связь с экологическим национализмом.

возродилась и расширилась. Вайнер описал рост экологического движения в конце советского заповедника. Подобные случаи продолжались после свержения Хрущева, но сеть заповедников были закрыты, а некоторые Хрущев использовал в личных целях, даже приглашая Тито на охоту в надежды». Борьба была почти проиграна в 1950-х и начале 1960-х годов, когда многие заповедники российских заповедников природа эта сеть была своего рода «архипелагом свобод» и «географией «нетронутой» природы, и закрытые и балансирующие экологические сообщества». Для Вайнер в деталях описывает сеть природных заповедников, созданных для сохранения цели, или под влиянием определенных факторов.

природы. По целому ряду причин они выступили в защиту природы, преследуя какие-либо политические и защиты природы». Однако советские бюрократы не были непримиримо враждебны к сохранению же время ВООП было ненадолго переименовано в общество «Общество содействию преобразованию Лысенко выступить перед ними, а затем избрали его в свой Исполнительный совет. Примерно в то самый смелый пример такой стратегии произошёл в 1950 году. Чтобы защитить себя от подозрения и экономические цели советской власти, которую Вайнер называл «защитной окраской». Вероятно,

18 Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности

всю книгу, а учение Морозова продолжало влиять на лесную политику и после его безвременной кончины в 1920 году. Эксплуатация лесов была привычным явлением в 1917 году и в течение первой пятилетки 1928-32 годов. В соответствии с демократическими интерпретациями сталинизма Брейн утверждал, что стремление к полной эксплуатации лесных ресурсов исходило от «молодых научных работников» (с. 104). Рассуждая в целом об отношении диктаторов (включая Гитлера, Муссолини и Мао) к сохранению лесов, Брейн утверждал, что Сталин и Руквудство Партии сдерживали энтузиастов от чрезмерной вырубки лесов, опираясь на идеи Морозова и других российских ученых, и принимали новые меры по сохранению лесов в знак признания их роли в ландшафтной экологической стабильности. Кульминацией книги является описание крайнего амбициозного плана Сталина 1948 года посадить огромные ползущие по лесам в степи, в попытке смягчить климат. Доказательства Брейна в пользу «сталинской природоохранной деятельности» являются прямым ответом на выпады других упомянутых выше специалистов, которые утверждали, что сталинская индустриализация и плановая экономика были основными причинами деградации окружающей среды в Советском Союзе.

Степь является предметом моей исследовательской работы [16]. Моя недавняя книга представляет экологическую историю российских степей к западу от Урала. В начале XVIII века переселенцы из более влажных, лесных регионов в центральную и северную Россию, Украину, и Центральную Европу начали заселять ползущие степи, но плодородные степи. К концу XIX века степи стали житницей Российской империи и части Европы. Но данная история имеет другую сторону. Степи подвергались засухам, ветрам, которые вызывали пыльные бури, эрозию почвы, неурожаи, а в худшие годы – голод. В конце XVIII века натуралисты во главе с немцем Питером Палласом изучали степную среду. Эта работа была продолжена в XIX веке русскими учеными. Их идеи были новаторскими; в частности, новая наука Василия Докучаева – генетическое почвоведение – объяснила, что плодородный чернозем явился продуктом степной среды. Ученые также изучали экологические изменения, в том числе изменение климата, и обсуждали, кто виноват в этом: человеческая деятельность или природные силы? Они предложили различные виды экологических барьеров для ведения сельского хозяйства в степи. В течение долгого времени они осуществляли посадку деревьев и орошение, пытаясь сделать степи больше похожими на родную местность.

Более устойчивыми были методы культивации для сохранения влаги в почве. Методы меннонитов, одних из пионеров степей, были направлены на то, чтобы работать с окружающей средой, а не пытаться ее изменить. В своей книге я делаю попытку представить экологическую историю степи в более широком контексте европейского колониализма и по сравнению с американскими Великими равнинами.

Французский ученый Марк Эли также исследовал степи – но более амбициозно всю евразийскую степь – с упором на стихийные бедствия, в том числе гравельные оползни и ветровую эрозию, и попытки преодолеть их в XX веке. Его работа важна также потому, что он сравнивал такие катастрофы в Советском Союзе с аналогичными событиями в Северной Америке, таким образом, включая советскую экологическую историю в глобальную историю, а не делая из нее исключение [17].

Перед тем как перейти к северо-востоку: вечная мерзлота является предметом исследования американского ученого Лей-И Чу. В ее работе исследуются происхождение научных знаний о явлениях «промёрзшей земли» в Восточной Сибири с первой половины XIX до середины XX века. Особое внимание она уделяет развитию новой отрасли науки для изучения того, что ведущие специалисты называют «вечной мерзлотой». В своей работе она подчёркивает необходимость различать мерзлую землю в Восточной Сибири и в других регионах Сибири, на севере России и других частях земного шара, и даёт научное объяснение «вечной мерзлоте». В ее исследованиях подчёркивается, что это определение оспаривается среди ученых и является лишь одним из способов понимания этого явления. Ценность ее исследования заключается в том, что она рассматривает развитие «науки о вечной мерзлоте» в ее более широком контексте научной политики, в политической и экономической ситуации в царской России и Советском Союзе. Таким образом, ее работа исследует явление вечной мерзлоты, используя Советским правительством для реализации конкретных целей по экономическому развитию региона. Она задается вопросом, как развивающаяся наука связана с идеологической установкой «покорения природы», а на практическом уровне представляя конкретные научные рекомендации о том, как строить железные дороги и другие сооружения на промёрзшей земле. Особое внимание уделяется тому, как поставлять питьевую воду в городские центры в регионе [18].

Крайний Север является предметом исследований другого американского ученого Энди Бруно. В его недавней книге представлено углубленное изучение экологической истории промышленной сферы на Колымском полуострове в XX веке. В его книге рассматриваются формы взаимодействия

между природой и коммунистической властью в Советском Союзе и роль Арктики в мировой экологической истории. Помимо этого, он занимался исследованием животных, в частности оленей, людей и других частей природного мира [19].

Главной особенностью последних работ западных ученых по «экологической истории России» было то, что они исследуют различные географические регионы, удалённые от европейской части России и Советского государства. Американский историк Райан Джонс исследовал быт россиян в северной части Тихого океана в период с 1741 по 1867 год. Он показал, что русские научились быстро воздействовать на природную среду и с конца XVIII века разрабатывали стратегии, направленные на её изучение. Он утверждает, что охота русских на морских млекопитающих из колоний на Камчатке и на Аляске ради добычи меха привела к экологической катастрофе. Численность морских котиков, морских выдр и других морских млекопитающих резко сократилась. А млекопитающее отряда сирен стеллерова корова (или морская корова) была истреблена. Натуралисты, в том числе Литер Паллас, исследовали влияние человеческой деятельности на фауну региона и передали свои выводы отласке в России и за ее пределами. В результате, по рекомендации экспертов, таких как Паллас, российские власти внедрили стратегии управления запасами пушных морских млекопитающих в северной части Тихого океана для поддержания баланса между охотой на животных и сохранением их численности [20].

Западная наука об экологической истории территорий бывшей Российской империи и Советского Союза распространила свой интерес на Казахстан и Центральную Азию. Три американских ученых защитили кандидатские диссертации по этим темам в 2010-11 годах в ведущих американских университетах [21].

4. Культуральные подходы к экологической истории

Важной вехой в культурных подходах к окружающей среде России стала книга, опубликованная в 2002 году американским ученым Кристофером Эли под названием «Эта скудная природа. Пейзаж и национальная идентичность в имперской России». Он проанализировал, как русские писатели, поэты и художники изображали российскую природу – пейзаж – в период с конца XVIII до конца XIX вв. В начале этого периода русские писатели и художники были гораздо более заинтересованы в более очевидной живописной красоте природы Альп и Средиземноморья в западной и южной Европе и обходили вниманием природу России, «эту скудную природу», как называл её Тютчев. Однако в XVIII-XIX вв. некоторые жители Российской империи стали гордиться русским пейзажем. Вместо того, чтобы считать леса северной равнины и равнинных степей южной регионов ничтожными, или «скудными», по сравнению с более драматичными европейскими ландшафтами, некоторые писатели и художники сознательно изображали родной пейзаж (степи, реки, горы, леса) красивым и прежде всего, как родные «русские» просторы. Среди литературных деятелей и художников, которые продемонстрировали новую эстетическую оценку равнинных, горных степей, были писатели Сергей Аксаков, Николай Гоголь, Антон Чехов и пейзажисты Архип Куинджи и Иван Шишкин. Ландшафты центральной и северной России восхвалялись Лермонтовым и другими писателями.

В том же направлении работает литературный ученый Джейн Костлоу. В своей монографии «Сердце-Сосновая Россия» она предложила интереснейший взгляд, выводы, информацию на российский лес. В 1890 году российский писатель Владимир Короленко и его два племянника отправились в «дровые сосновые массивы России» к северу от Нижнего Новгорода. Они плыли вверх по реке Ветлуга, а затем добрались по суше к озеру Светлояр. Автор пишет:

«Я пошел прямо в глубины. Было холодно, вода выталкивала меня. У меня непроизвольно возникло чувство тайны и благоговения ... Меня быстро вытащили на поверхность ... Я попытался ещё раз. На этот раз более успешно, я идя глубже. Вода еще холоднее и подталкивает вверх, как пружина, и тут я наступил на какой-то предмет. Ветвь дерева ... вторая ... третья. Это похоже на вершины утонувшего леса.» (стр. 135-6)

В своей книге, с подзаголовком «*Прозуки и нисмо в лесу XIX века*», Костлоу берет своих читателей за руку и ведёт их вглубь темных лесов России. В качестве гидов она выбрала некоторых крупнейших русских писателей и художников, специализировавшихся на изображении леса. Костлоу знакомит также читателей с мифами и легендами, которые создавались на протяжении столетий, когда русские жили в этих лесах. Например, существует открытое пространство в лесу, стоял легендарный город Китеж. В XIII веке Китеж, согласно легендам, избежал нападения монгольской армии, вторгшейся из степей на юг, опустившись под воду.

Костлоу также прибегает к творчеству художников в качестве путеводителей по культурному значению лесов России. Целая глава посвящена картине Михаила Нестерова. Нестеров изображал древнюю, лесистую Русь, населенную православными отшельниками и святыми (в частности,

Сергием Радонежским, жившим в XIV веке), знаменитую резными церквями с луковичными куполами, деревянными домами и русскими в традиционной одежде. В его картинах были представлены легенды о Китае и сценами из жизни старообрядцев из романов Мельникова. По словам Костюк, работа Нестерова «почти ассоциируется с сентиментальным славянофильством» (с. 147), а его полотно представляет «[Православную] Россию как этно-пейзаж» (с. 177).

В это восприятие российских лесов Костюк была включена глава об уничтожении лесов. Она обращает наше внимание еще раз на то, что люди часто начинают по-настоящему ценить окружающий их природный мир и его значение в своей жизни и культуре, когда он начинает погибать. Костюк сопротивляется искушению описать конец пьесы Чехова «Вишнёвый сад», в котором старый слуга Фирс остался в доме после того, как семья переехала, и умирает, слушая как вырубают его любимый сад. Эта глава — посвящённая лесу — описывается на литературные произведения (в большей мере Толстого, а не Чехова) и живописи (представляя Илью Репина как особо обеспокоенного вопроса природы), а также технические работы специалистов лесного хозяйства, опубликованные в специализированных журналах. Может сложиться впечатление, что Костюк немного более удобно анализировать произведения искусства и литературы, но, что важно, она напоминает нам, что «художники и ученые-лесоводы были объединены общим вопросом, как географическим, так и символическим» (с. 84).

Леса, реальные и воображаемые, описанные Костюк представляются собой мифическое прошлое, старую, православную Русь, легенды и фольклора, святых и деревянных церквей, убежище от гонений и современности, в основном к северу от Волги. Такие образы лежат в основе одного аспекта русской идентичности. Во введении к книге она описывает воспоминания граждан о протестах в 1970-х годах против вырубки липовой аллеи в Оре, чтобы расширить площадь города. В заключении книги она рассматривает «[к]ванти-националистические представления о России как лесу или о лесу как России» - в кино и литературе, официальных и неофициальных, во второй половине XX века. Однако последние два примера обращаются к прошлому лесов России.

Работы Эли и Костюк о культурной истории окружающей среды России всего лишь два примера развивающихся, многогранных и важных исследований западных ученых, которые показывают, как именно выгодам пришли ученые, углубленно изучая советскую экологическую деградацию. Я не утверждаю, что в Советском Союзе не было деградации окружающей среды, несомненно, к сожалению, огромная часть бывшего Советского Союза испытала серьезный ущерб из-за экономического развития. Дело здесь в том, что эта проблема являлась лишь одной, хотя и важной частью российской и советской экологической истории, которую западные ученые изучали в последние годы. В конце обзора западных исследований российской и советской окружающей среды следует подчеркнуть растущее значение сотрудничества западных и российских ученых, которые работают над этим вопросом. В настоящее время осуществляется ряд совместных проектов, которые положительно скажутся на будущем этого вопроса [22].

Endnotes (Ссылки)

- 1 Paul Josephson, *Industrialized Nature: Brute Force Technology and the Transformation of the Natural World* (Washington, D.C.: Island Press, 2002).
- 2 Matthew Eisler, *Review of Josephson, Paul R., Industrialized Nature: Brute Force Technology and the Transformation of the Natural World*, H-Net Reviews, June, 2005. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=10648>.
- 3 Paul Josephson, *Industrial Deserts: Industry, Science and the Destruction of Nature in the Soviet Union*, *Slavonic and East European Review*, vol.85 (2007), 294-321.
- 4 Paul Josephson, Nicolai Dronin, Ruben Mnatsakanian, Aleh Cherp, Dmitry Eremenko, Vladislav Larin, *An Environmental History of Russia* (New York: Cambridge University Press, 2013).
- 5 Douglas R. Weiner, *Models of Nature: Ecology, Conservation and Cultural Revolution in Soviet Russia*, 1st edn (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1988) 2nd edn 2000; Douglas R. Weiner, *A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev* (Berkeley: University of California Press, 1999). Байнер внимательно и на протяжении многих лет изучал работы русского специалиста Феликса Штильмарка.
- 6 Brian Bonhomme, *Forests, Peasants, and Revolutionaries: Forest Conservation and Organization in Soviet Russia, 1917-1929* (Boulder: East European Monographs, 2005).
- 7 J. D. Oldfield and D. J. B. Shaw, *The Development of Russian Environmental Thought: 1880-1991* (London: Routledge, 2015).
- 8 Например, J. D. Oldfield, *'Climate modification and climate change debates amongst Soviet physical geographers, 1940s-1960s'*, *WIREs Climate Change*, vol.4 (2013), 513-524; J.D. Oldfield and

D.J.B. Shaw, 'V.I. Vernadskii and the development of biogeochemical understandings of the biosphere, c.1880s-1968', *The British Journal for the History of Science*, vol.46 (2013), 287-310; id., 'V.I. Vernadsky and the noosphere concept: Russian understandings of society-nature interaction', *Geoforum*, vol.37 (2006), 145-154.

9 Stephen Brain, *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905-1953* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011).
10 David Moon, *The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700-1914* (Oxford: Oxford University Press, 2013).
11 Marc Elie, 'Coping with the Black Dragon Mudflow Hazards and the Controversy over the Medeo Dam in Kazakhstan 1958-66', *Kritika*, vol.14 (2013), 313-342; Marc Elie, 'The Soviet Dust Bowl and the Canadian Erosion Experience in the New Lands of Kazakhstan, 1950s-1960s', *Global Environment*, vol.8, 259-292.

12 Pey-Yi Chu, 'Permafrost Country: Eastern Siberia and the Making of a Soviet Science', doctoral dissertation, Princeton, 2012; Pey-Yi Chu, 'Mapping Permafrost Country: Creating an Environmental Object in the Soviet Union, 1920s-1940s', *Environmental History* vol.20 (2015): 396-421.
13 Andy Bruno, 'The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History (New York: Cambridge University Press, 2016); Andy Bruno, 'Making Reindeer Soviet: The Appropriation of an Animal on the Kola Peninsula,' in Jane Costlow and Amy Nelson (eds.), *Other Animals: Beyond the Human in Russian Culture and History* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010), 117-137.
14 Ryan Jones, *Empires of Extinction: Russians and the North Pacific's Strange Beasts of the Sea, 1741-1867* (New York: Oxford University Press, 2014).

15 Sarah Cameron, 'The Hungry Steppe: Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921-1934', Ph.D. dissertation, Yale University, 2010; Ian Campbell, 'Knowledge and Power on the Kazakh Steppe, 1845-1917', Ph.D. dissertation, University of Michigan, 2011 (now revisited for publication as *Knowledge and the Ends of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917* [Ithaca: Cornell University Press, 2017]); Maya Peterson, 'Technologies of Rule: Empire, Water, and the Modernization of Central Asia, 1867-1941', Ph.D. dissertation, Harvard University, 2011.
16 См. Специальный выпуск британского журнала *The Slavonic and East European Review*, Vol. 93, No. 1, 2015, edited by Denis Shaw, Jonathan Oldfield and Julia Lajus with essays by Russian and western scholars. The Leverhulme Trust funded a network of scholars at UK, US, and Russian universities to research Russian environmental history and natural resources between 2013 and 2016. <https://www.york.ac.uk/history/research/majorprojects/russiasenvironmentalhistory/>.

«УРАЛЬСКАЯ МЕКА»: ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ ТРОИЦКОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Авдаскин А.А.

Респопавлять ценр оцекк качествк и инфрматизацию образоватия, с. Февальск

Аннотация. На основе архивных документов реконструируется динамика культурно-образовательного пространства Троицкого округа на заре социалистического строительства. Выявлены основные тенденции в развитии образованя для нацмень, показаны мероприятия, предпринимаемые для укрепления и расширения сети образовательных учреждений, отражена специфика округа и особенности развития его мероприятий в рассматриваемый период.

Ключевые слова: локальная история, национализм в СССР, нацмень школы, этнокультурное образование, Уральская область, Троицкий округ, промывательный завод.

«URAL MECCA»: FROM THE HISTORY OF NATIONAL SCHOOLS OF THE TROITSKY DISTRICT IN THE SECOND HALF OF THE 1920-S.

Avdashkin A.A.

Abstract. The archival documents are a source of reconstruction of the cultural and educational space of the Trinity District. The main trends in the development of education for the national minorities are revealed, the measures for strengthening and expanding the network of educational institutions are shown and the ethnic specificity of the district and the features of its development in the territory in the period.

Key words: local history, national minorities in the USSR, national schools, ethnocultural education, Ural region, Troitsky district, provincial city.

УДК 94(470)+069.01+33+1
ББК 63.3(2)+79.1+65+87
Р76

Печатается по решению Редакционно-издательского
Совета Елабужского института КФУ
Протокол № 16 от 23.11.2017

Редакционная коллегия:

Мерзон Е.Е. – кандидат педагогических наук, доцент, директор Елабужского института КФУ
Разживин А.И. – кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка и лингвистики Елабужского института КФУ
Маслова И.В. – доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ
Крапоткина И.Е. – кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ
Бурдина Г.М. – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ
Насырова Л.Г. – кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей и отечественной истории Елабужского института КФУ

Р76 Российская провинция как социокультурное поле формирования граждан-ской и национальной идентичности: Сб. науч. ст.: Материалы VIII Между-народных Стахеевских чтений, Елабуга, 16-17 ноября 2017 г. / Сост. И.В. Мас-лова, И.Е. Крапоткина, Г.В. Бурдина. – Елабуга, 2017. – 428 с.

Сборник содержит доклады и тезисы выступлений участников VIII Международных Стахеевских чтений, прошедших 16-17 ноября 2017 г. в Елабужском институте Казанского федерального университета. В научном форуме участвуют представители деловых и политических структур, учё-ные, музейные работники, молодые исследователи, сфера научных интересов которых связана с проблемами социально-экономического, обществено-политического, историко-культурного раз-вития малого и среднего города России. Издание предназначено для профессиональных исследователей и широкого круга чи-тателей.

ISBN 978-5-600-01962-1

Мнения, высказанные в докладах, отражают личные взгляды авторов и необязательно совпадают с мнением редакционной коллегии.
При использовании информации, представленной на страницах сборника, ссылка на издание и авторов обязательна

ISBN 978-5-600-01962-1

УДК 94(470)+069.01+33+1
ББК 63.3(2)+79.1+65+87

© Елабужский институт КФУ, 2017 г.
© Бурдина Г.М., 2017 г.